

Методологический кризис психологии: история и перспектива

Медянова Елена Владимировна

к.психол.н., доцент кафедры философии и биоэтики,

Одесского национального медицинского университета

Аннотация. Статья посвящена истории, сегодняшнему анализу и перспективам развития методологических установок психологии. А также значению методологической грамотности для современных психологов-исследователей.

Ключевые слова: методологический кризис психологии; классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность.

Annotation. The article is devoted to the history, today's analysis and prospects for the development of the methodological guidelines of psychology. The article is devoted to the importance of methodological literacy for modern psychologists-researchers.

Key words: methodological crisis of psychology; classical, non-classical and post-non-classical rationality.

В 1873 г. В. И. Сеченовым был поставлен вопрос «Кому и как разрабатывать психологию?». Сам вопрос и ответы на него представителей различных направлений психологии, по мнению А. Г. Асмолова и М. С. Гусельцевой, стартовали дискурс о методологии психологии и актуальных тенденциях ее развития ибо «Искусно поставленный вопрос нередко в истории науки приобретает статус проблемы, которую потом решают как дразнящую загадку приходящие на смену друг другу поколения исследователей, теоретиков, мыслителей, представителей различных научных школ, интеллектуальных движений, исследовательских программ и парадигм познания» [1, с.7]. Эта дискуссия и сегодня активно продолжается, отражая разное представление о целесообразности развития психологии в направлении методологической идентичности (в «ствол» по метафорическому выражению А. Н. Леонтьева) или в направлении методологического разнообразия (в «куст»

- по представлению Л. Б. Ломова). И хотя на протяжении всей истории развития психологии оба направления сосуществовали совместно, доминирование их попеременно сменялось через череду методологических кризисов. И сегодняшнее состояние методологии психологических исследований характеризуется уже не кризисом психологии (Л. С. Выгодский, К. Бюлер), а «у нас сегодня кризисы разных психологий...это кризис научных школ...Научные школы задали образцы культуры,...культурные парадигмы,...вкусы и стили мышления...если не рефлексировать кризисы этих школ, мы начинаем уходить в практицизм и мелкотемье, в результате возникает эффект Вавилонской башни. Психологи...часто не слышат и не понимают друг друга» [1, с.9].

Актуализация методологических проблем психологии обусловлена также особенностями сегодняшнего дня, который характеризуется как: а) информационная эпоха, с ее информационным шквалом, требующим от нас новых когнитивных умений [2]; б) «текущая современность» и «ускользающий мир» (З. Бауман и Э. Гидденс), требующий от нас новых стратегий адаптации и развития; в) «общество риска» (У. Бек); г) «психозойская» эра (В. И. Вернадский), когда «окружающая нас ноосфера. семиосфера так или иначе отражают психологизацию жизни» [1, с.7]; д) эра дефицита ценностных ориентаций и ориентиров. И именно психология должна взять на себя миссию идеологии и науки, и общества; миссию гуманизирования общества (А. А. Богданов, А. Г. Асмолов, М. С. Гусельцева, А. П. Огурцов, В. М. Розин и пр.) [1, 3, 4].

В истории психологии можно выделить, по мнению М. С. Гусельцевой, следующие этапы: 1) допарадигмальное состояние, связанное со становлением психологии и ее пребыванием в лоне философии; 2) классическая рациональность, заявившая о себе претензией психологии на самостоятельность, становлением самостоятельной науки; 3) неклассическая рациональность - расцвет разно ориентированных психологических школ XX в.; 4) постнеклассическая рациональность – современный этап, особенностями которого являются междисциплинарный дискурс, сетевой принцип организации знаний и герменевтическая ориентация исследований [5, с.7; 3].

Классическая парадигма в психологии характеризуется четким определением границ науки и претензиями психологии на самостоятельность, стремлением к точности и строгости естественных наук. А. Г. Асмолов указывает на такие методологические установки классической психологии, как антропоцентризм, европоцентризм, эволюционизм, постулаты «непосредственности» и «сообразности». Пять грехов классической психологии указываются учеными, выступившими в психологии против задаваемых ею ограничений: сциентизм как узко понятая научность (так, психоанализ не столько наука, сколько искусство толкования), универсализм (поиск общих законов), индивидуализм, механистическое понимание каузальности в разделении внешнего – внутреннего и субъективного объективного [6, с. 239].

По мнению М. С. Гусельцевой, методологический инструментарий классической науки, приспособленный к изучению стабильной и устойчивой реальности, воплощающейся в образы жестких структур с четкими границами, оказался не способен не только осмысливать, но и обнаруживать тонкие реальности ситуативных и текучих изменений, что и формировало основания для методологического кризиса данного этапа развития научной рациональности [7].

Кризисы в период классической парадигмы в психологии констатировались исследователями на двух уровнях: а) как крушение (или скорее ограничение ареала эффективного применения) отдельных методов и соответствующих ему направлений психологии. Например, интроспекции, метода ассоциаций (Н. Н. Ланге); б) как осознание отсутствия общепризнанного психологического подхода, объединяющего ядерного психологического знания (Ф. Brentano). Сюда же можно отнести и рассуждения К. Бюлер о редукционизме предмета психологии различными научными школами (психологии сознания в вариации вюрцбургской школы, гештальтпсихологии и бихевиоризма) и несовместимости их научных посылов, понятий и описательного языка [6, с.134].

При этом даже способы выхода из кризиса различные исследователи предлагают противоположные: К. Бюлер – ограничить, но сочетать

компетентность различных школ, С. Л. Рубинштейн считал такой синтез невозможным из-за несовместимости субъективной идеалистической концепции сознания и механической концепции человеческой деятельности.

Наиболее методологически полно данный кризис был рассмотрен Л. С. Выгодским в работе «Исторический смысл психологического кризиса», выделивший как его причину – различие двух методологических платформ в психологии – высших (духовных) и низших (простых) психических явлений, и соответственно параллельное существование двух психологий – материалистической (естественно–научной) и спиритуалистической. Из этого разделения рождаются и два метода психологии: аналитический и феноменологический.

А. Г. Асмолов отнес к неклассическим подходам и теориям в психологии столь разные направления, как психоанализ, культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского, деятельностный подход (теории А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна). «Принципиальная новизна этих различных направлений методологии психологии состоит в прорыве за границы “постулата непосредственности” и поиске того ”опосредствующего звена”, которое, порождая психические явления, само бы к сфере психического не принадлежало» [5, с. 446].

Для неклассической парадигмы важнейшими завоеваниями стали, по мнению Т. В. Корниловой, признание учета субъективности наблюдателя и невозможности изучения свойств объекта вне взаимодействия свойств субъекта и объекта; принципы неопределенности и дополнительности, сформулированные в квантовой физике [6].

Девяностые годы XX в. стали периодом осознания методологических проблем психологии, рефлексии ее кризиса и поиска нового статуса науки. Кризис неклассической психологии проявился в существовании множества не согласованных между собой теорий и в разном прочтении психологических терминов, в противопоставлении естественно-научного и гуманитарного подходов.

В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили обращают наше внимание на сложность объекта психологии, на его неизбежный редукционизм в ходе экспериментального исследования и влияние мышления исследователя не только на трактовку предмета (а), но и на объективную жизнь объекта, после создания его субъективной модели, трактовки или теории. Они пишут: а) «Беда еще и в том, что принятые тем или иным образом посылки и допущения, уже осуществленные (например, выбором экспериментального устройства) абстракции переходят в изображаемое и из теоретического сознания исследователя. И, как это ни парадоксально, неразличенность абстракций может разрушать как раз объективность анализа и изображения» [9, с.115]; б) «Известен факт распространения определенного типа психоневрозов после появления психоаналитического учения, именно того типа, который был сконструирован теоретически внутри этого учения» [9, с.115]. Авторы подразделяют сложности психологического объекта познания на: а) его темпоральность и способность трансформировать, сжимать/растягивать время ли даже заставляя его «течь вспять». «Поэтому ученые предпочитают временную протяженность психического оставить искусству, которое, впрочем, неплохо справляется с нею и умеет не только "остановить мгновение", но и показать в нем настоящее, прошлое и будущее» [9, с.111]; б) пространственность психического и его продуктов, осмыслению которой мешает декартовское противопоставление души и тела. И данное стыдливое избегание пространственности психического приводит к ее замене пространственностью мозга. «Ведь обыденному сознанию легче приписать нейрональным механизмам мозга свойства предметности, искать в них информационно содержательные отношения и объявить предметом психологии мозг, чем признать реальность субъективного, психического и тем более признать за ним пространственно-временные характеристики» [9, с.111]. И поэтому в психологии объективное описание синонимично «физиологическому описанию», а психологическое – «субъективному».

Следующей проблемой психологии данного периода авторы считают запутанность различных уровней языка психологии, используемого при

описании человека, его внутреннего мира: уровня материального (уровня вещественных результатов действия человека в мире) и идеального (воплощение человеком некоторых состояний, содержаний и смыслов, и сообщаемого им через речь). Последний уровень выделяет человека в качестве субъекта, который сам входит в состав мира (материального уровня). А его речевая реализация, форма предъявления несет отпечаток как индивидуального сознания, так и культурные и лингвистические аспекты [9, с.113].

В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили отмечают методологический кризис как отсутствие методов соответствующих необратимости психологических процессов. Они пишут: «Ибо именно необратимость хода вещей, включающих в себя действия субъективности, и делает эту субъективность *реальностью*. Познать ее как таковую – единственная возможность для психологии как науки *объективно* развернуть субъективное и задать его в действиях вещей мира. Иначе нам не пройти сквозь призраки, создаваемые неуловимой внутренней инстанцией, которая отделяет, экранирует нас от фактически имеющего место, от естественного хода явлений и его механизмов, вынуждая или спиритуалистически мистифицировать или же механистически редуцировать эту инстанцию» [9, с.114].

Таким образом, по мнению авторов, субъективно-психическое следует описывать как некое квазипредметное образование «с привлечением фундаментальных категорий как предметно-смысловых, так и пространственно-временных» [9, с.115], и для этого необходима разработка нового методологического инструментария – «наглядных моделей понимания». «При создании подобных моделей, особенно на исходном уровне, используются не только знаковые и математические средства, но также средства аналогового, картинного замещения объектов, наглядно символизирующего все основные связи последних и живущего уже своей, независимой от рефлексии жизнью. Активное обсуждение этой темы в современной методологии науки означает, по сути дела, признание необходимости и конструктивной роли в познании и эксперименте специфических "понимательных вещей", "интеллектуальной материи", визуализированных понятий, которые, будучи видимыми,

слышимыми, осязаемыми и т.д. вещами и в то же время артефактами, то есть искусственными созданиями человека, открывали бы пространство доступного для понимания мира» [9, с.115].

В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили подчеркивают генетическую и функциональную многослойность психического объекта, который не только удваивает реальность, прорастает ««в четвертое измерение» своими квазивещественными "приставками-амплификаторами" (со всеми их установками, образами манипуляторами, мнимостями, фантомальными схемами и т.п.)» [9, с.118], не и не рефлектирует это удвоение, скрытое верхними слоями – предметными образами, знаками, словами, смыслами и пр. «Но эта скрытость формы, полезная для субъекта, не освобождает психологию от ее вполне сознательного учета и от поиска путей построения этого удивительного мира психической реальности, развития объективных и вместе с тем психологических методов его исследования» [9, с.118]. И соответственно, направление развития психологии, преодоление ее методологического кризиса, авторы видят в перестройке психического знания в направлении переосмысления старых терминов с учетом многослойности психического; психология должна осознать не только процесс и законы отражения мира, но также законы и процессы порождения нового; что в свою очередь потребует сближения исследований различных аспектов неразделимой целостности психической реальности и соответствующих им психологических дисциплин. Эти задачи способствуют возникновению новых методов психологии («методов микроструктурного, микрогенетического анализа, которые дополняют и развивают методы каузально-генетического исследования и методы формирования психической деятельности» [9, с.125]) и развитию междисциплинарных связей психологии, физиологии, нейрофизиологии, психофизики и пр.

Задачи интеграции психологического и человекомерного знания стимулируют переход к постнеклассической психологии.

Понятие постнеклассической науки принадлежит В. С. Степину [10], описавшему исторических типа рациональности, соответствующих состоянию

науки: классическую, неклассическую, постнеклассическую. Развитие постнеклассической науки Степин связывает с последней четвертью XX в. – с информационным состоянием мира, когда объектом исследований становятся уникальные саморазвивающиеся системы. В постнеклассической науке возникают проблемно-ориентированные исследования, которые требуют междисциплинарного дискурса, особых способов описания реальности, диалога естествознания и гуманитарных наук. По В. С. Степину, на постнеклассическом этапе развития науки теряется подразделение наук о природе и наук о духе, и разные типы рациональности делят между собой сферы влияния.

В работах М. С. Гусельцевой [5,7] постнеклассический этап развития психологии характеризуется пониманием сетевой природы знания, интенсивностью научных коммуникаций, стремлением к взаимной согласованности психологических теорий. Это означает, что в насыщенном информационными возможностями мире любая психологическая теория должна учитывать другие психологические теории. И основную проблему данного этапа А. Г. Асмолов видит в необходимости «найти между ними коммуникацию и диалог, а не доказывать, что может быть только одна монопсихология» [1, с.19].

Постнеклассическая психология – это такое состояние знания, когда различные научные теории (понимаемые как описывающие отдельные аспекты психической реальности модели) составляют взаимосогласованную сеть. Существенными чертами постнеклассической психологии являются: 1) сетевой принцип организации знаний; 2) междисциплинарный дискурс; 3) «легализация внутрисубъективного опыта» (А. В. Юревич) [11]; 4) парадигмальная толерантность (В. С. Степин) [10]; 5) «критическое самоосмысление дисциплины» (К. Джерджен); 6) герменевтический стиль мышления [8, с.11].

Для психологии важнейшим последствием принятия постнеклассической картины мира, по мнению Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнова, является признание ее многопредметности, а значит, сосуществования множества теорий. Кроме того, обоснование постнеклассической парадигмы как общей ситуации в науке предполагает, что любая психология, любая психологическая

школа может стать ведущей для определенной задачи и определенного исследовательского контекста. Отказ от постулирования одного предмета и метода, разделяемый всеми, – важный шаг в развитии постнеклассического этапа в психологии. Другая тенденция современного этапа как постнеклассического – дифференциация научных проблем, которая приводит к синтезу фундаментальных и прикладных исследований, интеграции психологических подходов и методического арсенала психологии, развитию комплексных исследовательских программ.

О новом этапе развития психологической науки свидетельствует и внимание к новым темам, отражающим ее включенность в происходящие в мире изменения. Это, например, исследования толерантности, принятия решений, интуиции, смысловых образований, личностного развития, нового (сетевое) мышления – это все проблемы, которые предполагают выход за пределы «лабораторной психологии», освоение психологией новых реалий изменяющегося мира, а точнее, человека в нем [6, с.257].

Итак, постнеклассическая наука – современная стадия в развитии научного знания, добавляющая к идеалам неклассической науки требования учета ценностно-целевых установок ученого и его личности в целом. Эти требования не только не противоречат идеалам объективности научного знания, но и являются его условием.

По мнению П. А. Мясоед на постнеклассическом этапе «Междисциплинарное, контекстное, ценностное видение предмета психологии приводит к целостной и многомерной картине знания, открываемой в лице познающего человека историей самопознания. На смену рефлексии над логическими основаниями науки приходит рефлексия над познавательной деятельностью человечества в целом» [12]. Он считает, что при постнеклассическом стиле теоретизирования сам человек становится центром, целью и ценностью психологического познания, а не психическое. При этом человек не противостоит миру, а осуществляет в нем свое человеческое бытие [12].

П. А. Мясоедов видит применимость и обязательность владения всеми типами научной рациональности в психологии, соотнося ее с типом решаемых задач: классическую – с отдельным осознанием «внутреннего» (индивидуально-человеческого) и «внешнего» (социального); неклассическую – при сближении «внешнего» и «внутреннего» на основании индивидуальных методологических предпочтений исследователя (внутри самой психологии за счет монизма исследователя); постнеклассическую – как способ решения задач взаимоотношения человека и мира, где граница между «внутренним» и «внешним» снимается за счет монизма мира. Он пишет: «В психологии все теории имеют право на жизнь, но это право утверждает тип теоретизирования, который несет в себе определенное, очерченное нормами исторически обусловленного психологического мышления, решение основной проблемы психологии» [12].

На постнеклассическом этапе возникли новые методы психологического исследования, затрагивающие все уровни методологической науки (по Э. Г. Юдину): «позволяющая осуществлять «сканирование горизонтов» (на философском уровне); задающая перспективу для исследования в целом и интерпретации полученных данных в частности (на общенаучном и конкретно-научном уровнях); служащая основой единства и цельности исследования (на конкретно-научном уровне)» [1, с.31].

В. А. Мазилев формулирует два методологические основания таких междисциплинарных комплексных исследований: понимание предмета психологической науки (формальной и содержательный аспекты) и соизмеримость психологических теорий. Автор предлагает формулировку содержательного аспекта в виде «внутреннего мира человека», как способную вместить всю психическую реальность в полном объеме [13, с.9; 14]. Анализируя вопрос соизмеримости психологических теорий, В. А. Мазилев критикует применения постулата Томаса Куна о несоизмеримости конкурирующих научных парадигм, ибо универсальные концепции в психологии сегодня не только не существуют. Но и не могут пока быть созданы. Он пишет: «Как неоднократно говорил Юнг, время универсальных

концепций в психологии еще не пришло. Создавая научную теорию, стоит помнить о том, что она должна иметь свою сферу применения, зону «адекватности». Нужна установка на кооперацию, сотрудничество. Иными словами, психологи должны выработать толерантность к взглядам коллег, сформировать у себя установку не на поиск отличий, а на обнаружение сходства» [14, с.13]. В качестве такой объединяющей методологии Мазин видит когнитивную методологию и выделяет в ней три уровня: 1) уровень философии психологии – имеет дело с идеями, с «третьим миром» (К. Поппер), объединяет знания академической психологии и психологические знания в культуре, соединяя все виды психологического знания на уровне идей; 2) уровень собственно когнитивной методологии – «трактует вопросы познания психического, обоснования и верификации психологического знания» [14, с.15]; 3) уровень методологии психологического исследования – разрабатывающий технологию проведения экспериментального, квазиэкспериментального и иного эмпирического (или теоретического) исследования. В качестве основы для сопоставления психологических теорий Мазин видит схему исследования и обязательным для ее осуществления условием – владение психологом-исследователем предтеории. «Поэлементное сопоставление содержания предтеорий сопоставляемых концепций, а также других компонентов, представленных в схеме психологического исследования, позволяет выявить «точки соприкосновения» и «зоны расхождения», что является принципиально важным для соотнесения сравниваемых концепций» [14, с.15].

М. С. Гусельцева отмечает актуальные направления методологических поисков постнеклассического этапа: 1) рефлексия, связанная с идеалами *постнеклассической науки* (социокультурная обусловленность знания, конвергенция и диалог естествознания и гуманитаристики); 2) *смешанные методы и исследовательские парадигмы* (сочетание количественных и качественных исследовательских стратегий); 3) *трансдисциплинарность*; 4) *эпистемология сложности* (концепция сложного мышления, то есть мышления, адекватного возрастающей сложности мира) [7].

Проблемы сложного мышления разрабатываются в концепциях Э. Морена, К. Майнцера, в связи с идеями автопоэзиса Ф. Варелы и У. Матураны, в контексте отечественной синергетики, в соотнесении со становлением постнеклассической рациональности в психологии [15]. «С позиции Э. Морена познание есть эпистемологический *перевод* и субъективное *конструирование образа мира*. Сложность же мышления развивается как живая петля между познаваемым феноменом и познанием этого познания» [7]. В контексте постнеклассической эпистемологии М. С. Гусельцева обозначает такой феномен термином *сверхрефлексивность*

М. С. Гусельцева констатирует, что сложное мышление возникает как ответ на сложность мира и характеризуется: 1) эволюционной сложностью (матрешечную включенность в текущее состояние пройденных этапов развития мышления и разнообразие его научных стилей); 2) характеристикам когнитивной сложности; 3) холизмом; 4) антиномичностью; 5) нелинейностью; 6) открытостью; 7) голографичностью; 8) диалогичностью; 9) автопоэтичностью; 10) креативностью (сензитивность к новизне, сканирование эпистемологических горизонтов, гибкость, дивергентность) [7].

Э. Морен вводит семь принципов сложного мышления: *принцип челночного познавательного движения*; *голографический принцип*; *принцип обратной связи*, или взаимодействия причины и следствия; *принцип рекурсивной петли*, согласно которому личность порождает общество, которое порождает личность; *принцип единства зависимости и автономии*; *диалогический принцип*, который точнее было бы определить как принцип игры антиномий; *принцип конструктивизма познания* [16].

М. С. Гусельцева делает вывод об отличительной особенности новых методологий, базирующихся на сложном мышлении: «Слияние реального и воображаемого недопустимо для классического стиля мышления, - говорит она. - здесь [в новых методологиях] есть реальность и объективное знание о ней. Достижение объективности через дополнительность появляется в неклассическом стиле мышления. Для постнеклассического взгляда на мир аксиомой становится положение, что «человеческая реальность... является

полувоображаемой», она конструируется человеком в процессе познания и уже потому не является полностью реальной. Знание здесь – не столько система, сколько личный опыт» [7].

Из эпистемологии сложного Э. Морен возникает и новый аксиологический принцип - принцип солидарности, космополитизм как руководящая ценность человека познающего.

Таким образом, из выше сказанного следует, что в современной психологии существуют острые теоретические и методологические трудности и противоречия – отсутствует единый подход к определению предмета и метода, наблюдается противопоставление научной (академической) психологии и психотехник (практической психологии), существует высокая конкуренция со стороны паранауки и т.д. В современной психологии классическая и неклассическая парадигмы уступают место постнеклассической, которая признает ее многопредметность и различные научные теории (понимаемые как описывающие отдельные аспекты психической реальности модели) составляют взаимосогласованную сеть.

Первейшей задачей психолога-исследователя становится, по словам А. Г. Асмолова, осознать и создать культуру мышления (методологию), наработать «мыслительный инструментарий» - своего рода «философские линзы», через которые он видит реальность, и овладеть искусством методологии – искусством смены этой оптики. А. Г. Асмолова говорит: «Если мы этим искусством начинаем владеть, то мы не сбиваемся, а более видим когнитивную сложность реальности. Методология призвана дать нам возможность увидеть когнитивную сложность, и методология всегда вписана в то направление, которое я называю социальная биография науки. Она не может идти без погружения не только в культуру мышления, но и культуру времени. Она должна все время быть открыта для культуры времени и не бояться этого времени» [1, с.21].

Перспектива развития методологии психологии на постнеклассическом этапе многим автором видится в «сочетании несочетаемого» [1, с.22], «когда научные школы эволюционируют из «чистых линий» в смешанные

исследовательские движения» (В. А. Вагнер) [1, с.9] и возникает эффект гибридизации мышления – когда «то, что прежде казалось мало сочетаемым, начнет связываться в общую интеллектуальную сеть» [17, с.8].

Постнеклассическая психология базируется на методологическом основании всех трех исторических этапов развития научной рациональности, актуализируя нужную рациональность для решения соответствующей исследовательской задачи. Постнеклассический вариант разрешения традиционного для психологии методологического кризиса базируется на следующих основаниях: а) матрешечный принцип включенности психологической информации в рамках научных школ, их развития или ревизии; б) сетевой способ организации психологических теорий базирующихся на различных типах рациональности или существующих дихотомиях: внутреннее-внешнее; естественнонаучное-гуманитарное; объективное-субъективное; в) расширение предмета психологии, поиск формулировки предмета, которая позволила бы включить все разнообразие психологического знания; г) разработка нового междисциплинарного метода исследований (комплексные программы), который позволяет осуществлять развитие как теоретических, так и практических знаний о человекомерных сложных саморазвивающихся системах/средах, а также принципом организации меж – и трансдисциплинарного научного поля по данным вопросам.

В свою очередь, изменившиеся методологические установки требуют от психологов-исследователей: а) знания всех типов рациональности, их методологических возможностей и ограничений применения; б) навыков согласования полифонии психологических теорий и школ в рамках их исследовательской программы; в) навыка фокусировки на выбранном типе рациональности; г) навыка переключения между существующими методологиями: «смены методологических линз».

Список источников

1. Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Кому и как разрабатывать методологию психологии?/ А. Г. Асмолов, М. С. Гусельцева// СПЖ. – 2015. – №55. – С.6-45.
2. Медянова Е. В. Когнитивные факторы развития ценностной сферы личности студента-медика: монография/Е. В. Медянова. – Херсон: ФОП Гринь Д. С., 2017. – 260 с.
3. Огурцов А. П. Методология науки и ее антропологический ресурс (статья первая)/А. П. Огурцов// Личность. Культура. Общество. – 2011. – Том XIII. – Вып. 3 (№№ 65–66). – С 45-65.
4. Розин В. М. Психология: иллюзии идентификации и самоопределения /В. М. Розин// Психология. Журнал ВШЭ. – 2009. – №4. – С.3-23.
5. Гусельцева М. С. Методологические кризисы и типы рациональности в психологии /М. С. Гусельцева// Вопросы психологии. – 2006. – № 1. – С. 3-15.
6. Корнилова Т. В. Методологические основы психологии /Т. В. Корнилов. – М.: СПб.; Н. Новгород; Воронеж: Питер, 2007. – 316 с
7. Гусельцева М. С. Психология и новые методологии: эпистемология сложного [Электронный ресурс]/М. С. Гусельцева//Психологические исследования. – 2015. – Т.8, №42. – Режим доступа до журналу: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1158-guseltseva42.html>
8. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: Методологич. проблемы неклассич. психологии/А. Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2002. – 479 с.
9. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии /В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили//Вопросы философии. – 1977. – № 7. – С.109-125.
10. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция/В. С. Степин – М.:Прогресс-Традиция, 2000. – 743с.
11. Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии /А. В. Юревич// Вопросы психологии. – 2001. – № 5. – С. 3-18.

12. Мясоед П. А. Психология в аспекте типов научной рациональности /П. А. Мясоед// Вопр.психол. – 2004. – № 6. – С.6-15.
13. Мазилев В. А. Методология современной психологии: Актуальные проблемы /В. А. Мазилев// СПЖ. – 2013. – №50. – С.8-16
14. Мазилев В. А., Азов А. В., Вавилов Ю. П. Психология в XXI столетии: перспективы парадигмального синтеза /В. А. Мазилев и пр.// Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2014. – №1. – С.20-27.
15. Клочко В. Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения/В. Е. Клочко// Сибирский психологический журнал. – 2011. – №.40. – С.36-152.
16. Морен Э. [Morin E.] Метод. Природа природы/Э. Морен. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
17. Асмолов А. Г. Изменения изменений как дискурс современности/ А. Г. Асмолов// Проблема личности в контексте современной социальной ситуации развития детей, подростков и молодежи. – Изд. МГОУ, 2015. – С.6-8.